

Елена Зелинская

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Елена Зелинская

На реках Вавилонских

«Автор»

2012

Зелинская Е. К.

На реках Вавилонских / Е. К. Зелинская — «Автор», 2012

Первый роман публициста Елены Зелинской сложно уложить в жанровые рамки: здесь слишком мало деталей для семейной саги, сила художественных образов не позволяет отнести «На реках Вавилонских» к документальной прозе, реальные люди и события являют перед нами полуторавековую историю страны.Размеренная, мирная жизнь героев на окраине Российской империи, живо описанная в начале романа, не должна вводить в заблуждение читателя – реки унесут их в страшные водовороты XX века: кровавые сражения, репрессии, расправы, мор, голод – ничто не обойдет семьи Магдебургов и Савичей. Автор намеренно не упрощал сюжет. Дотошно, с указанием хронологических и географических деталей, он выделяет исторические вехи, сцены кровопролитных битв, забастовок, городской жизни. Диалоги, переданные языком авторов белогвардейских мемуаров, резко перемежаются в романе с голой исторической справкой стиля энциклопедии. Изложение дополнительных линий представлено в романе как бы невзначай, но видно, что для каждого абзаца было изучено много мемуаров, документов, свидетельств – перед нами открывается судьба видных ученых, писателей, педагогов... Уложить эти пазлы в общую картину неподготовленному читателю будет трудно, но интересно. Трудно и самому автору, и он не выдерживает – в романе появляется новый герой – публицист, потомок славных родов, который дает безапелляционные оценки событиям прошлого.

© Зелинская Е. К., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава первая	10
1	10
2	13
3	14
4	16
5	19
6	22
7	24
8	26
9	28
10	31
11	33
12	34
13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Зелинская

На реках Вавилонских

От автора

В этой книге нет вымышленных персонажей, и все события – реальные. Несколько лет назад я начала исследовать историю собственной семьи. Шаг за шагом, архив за архивом, город за городом вело меня страстное желание восстановить разорванные нити. На генеалогическом древе, корни которого уходили глубоко в вековые пласты истории, обожженном, с обрубленными ветвями, уцелело всего два-три ростка. Войны, восстания, революции, эпидемии – ничто не прошло мимо семьи...

Во многих разорванных домах родители скрывали от детей прошлые беды, уничтожали документы, фотографии и прочие следы растоптанной жизни. Нет, однако, ничего тайного, что не стало бы явным, рукописи не горят, на архивных полках ждут перевязанные веревочками папки, а память хранит имена и лица.

На заброшенном кладбище в Вологодской губернии я нашла могильный холмик и поставила крест вместо воткнутой в него палки с дощечкой «1937». Я узнала номер, под которым покоятся на Пискаревском мемориале мои родственники. В самом мрачном из домов я прочитала последнее слово деда, осужденного по 58 статье. Украинский ученый положил передо мной список участников Зимнего похода, где красивым витиеватым почерком была выведена фамилия прадеда, Григория Трофимовича Магдебурга. Письма, присланные бабушкой из ссылки, записки из тюремной больницы, послужные списки, дело «шляхтенского разбора», карты боев Великой войны, дневник хирурга санитарного поезда и черно-белые снимки с трещинками, с которых смотрели на меня родные лица, похожие чем-то друг на друга, на меня и моих детей – передо мной вставала жизнь рода: ручейки судеб сплетались, обрывались, сходились снова и вливались в могучую реку – историю страны. Так родилась эта книга.

Как я уже сказала, в ней нет ничего придуманного. Исключение составляют три героя. Унтер-офицер Геннадий Борисович Москаленко, который сопровождает одного из главных героев – служебный персонаж. Штабс-капитан Леонтий Ломаковский, по роману – брат супруги моего прадеда, – собирательный образ. Мне удалось найти послужные списки отца Александры Ломаковской, ее дядьев и братьев. Все они были военными и служили Отечеству в разных родах войск. О судьбе их узнать не удалось, боевой путь Леонтия – типичная история русского офицера.

Особый случай – юнкер Антон Левченко. И фамилия, и внешний облик героя перенесены в роман из наших дней. Артем Левченко – украинский историк и журналист – много трудов посвятил исследованию истории Чугуевского военного училища и щедро поделился со мной всем, что узнал. Преданность его и любовь к судьбе юнкеров училища, где преподавал мой прадед, почти мистически связали Артема со временем, когда Россия переживала муки. Эпизод со знаменем из пятой главы тоже не случаен, Артем не оставляет надежды, что символ училища надежно спрятан офицерами-чугуевцами, и в назначенный срок он сумеет его найти.

Больше исключений нет. Все события, повороты судеб, служба и личная жизнь всех персонажей основаны на архивных документах. Мне никогда не справиться с таким огромным трудом, если бы не помощь историков, архивистов, сотрудников музеев, юристов, краеведов и журналистов.

В работе мне помогала петербургский историк Ирина Борисовна Мулина. Она проделала огромную работу по розыску документов семьи Савич.

Глубокая моя благодарность украинским историкам, а особенно Леониду Абраменко, автору книги «Последняя обитель». Его усилиями были обнародованы протоколы о регистрации офицеров, убитых в Крыму во время Красного террора. Искренне признательна я за помощь известному киевскому историку и журналисту Ярославу Тинченко и ученому из Феодосии, автору выдающихся исследований по истории Гражданской войны, Андрею Бобкову.

В мою жизнь вошли и останутся в ней навсегда керченские друзья: старший научный сотрудник Керченского историко-культурного заповедника Владимир Филиппович Санжаровец, предводитель Керченского союза монархистов Геннадий Борисович Григорьев, молодые исследователи братья Владимир и Константин Ходаковские, протоиерей Николай (Зиньков) – настоятель храма Святого апостола Андрея Первозванного. Вместе с ними мы опустили с Царской пристани венки, и они поплыли в сторону Дарданелл, куда 90 лет назад ушла эскадра Врангеля. Вместе с ними я прошла по крестному пути своего прадеда. Вместе установили мы в городе Керчи Поклонный крест в память жертв Красного террора.

Моя глубокая благодарность губернатору Вологодской губернии Владимиру Евгеньевичу Позгалеву. Не мне одной помог он найти документы и установить могилы родных в крае, который служил для многих горьким пристанищем.

Искренне признательна я сотрудникам музеев в городе Нежине, Тотьме, в Днепропетровске, работникам Нежинского архива, университета и местной газеты, руководителю дома-музея Булгакова в Киеве.

Неоценимую помощь оказала мне в работе над книгой Ирина Кравченко. Моя молодая помощница разделяла со мной тяготы путешествий, писала под мою диктовку и искала ошибки, молилась со мной в керченских храмах, спорила, выбирала и сканировала фотографии, записывала показания родственников; в конце шестой главы родила девочку, запомнила корректорские знаки и научилась писать почти не хуже меня.

Мне трудно определить жанр этой книги. Документально-художественный роман, в котором реконструируется история рода.

Я посвящаю его своей маме.

Елена Зелинская

**На реках Вавилонских, тамо седохом и
плакахом, внегда помянути нам Сиона.
На верхних посреде его окесихом органы
наша. Яко тамо вопросиша ны пленшии
нас о словесех песней и ведшии нас о пении:
воспойте нам от песней Сионских.
Како воспоем песнь Господню на земли
чуждей? Аще закуду теке, Иерусалиме,
заквена куди десница моя. Прильпни
язык мой гортани моему, аще не помяну
тебе, аще не предложу Иерусалима, яко
в начале веселия моего. Помяни, Господи,
сыны Едомския, в день Иерусалимль
глаголющия: истощайте, истощайте до
оснований его.**

Пролог

Река Лужа, 12 октября 1812

– Славно поработали, – белозубый казак спрыгнул с коня, сняв шапку, отбросил со лба чуб и обвел усталым взглядом черные лица черниговцев, – вишь, как рылы-то позамарали. Ни дать, ни взять, арапы какие-то.

– Никакие не арапы, – усмехнулся невысокий офицер, блеснув светлыми, глубоко посаженными глазами, – я как был есаул Василий Магдебург, так им и остался!

Догоравшие обломки строений, обваливаясь, освещали вспышками округу; среди облаков, багровых в отблесках пожарища, появился месяц. В зыбком свете глядели казаки на разрушения, оставленные многочасовым боем. Ветер засыпал пеплом и сажей карабины, сабли, пики; малиновый верх круглых шапок стал черным; и малиновые шаровары тоже, и барашковые околыши. Только кушаки не изменили цвета: им по высочайше утвержденным правилам черными изначально положено быть. А лица-то, лица!

Стих грохот пушек, умолк треск ружейной пальбы, замерли неистовые вопли рукопашного боя. В Малоярославце, уездном городе Калужской губернии, наступила тишина. Только стоны раненых нарушали внезапно опустившееся безмолвие. С самого рассвета шло здесь кровавое сражение, восемь раз переходил город, почти полностью спаленный (из двухсот домов уцелело двадцать), из рук в руки – то к русским, то к французам.

«С обеих сторон густые колонны пехоты, встречаясь на улицах, поражали друг друга штыками. Артиллерия мчалась рысью по грудам тел; раненые, умирающие раздавливаемы были колесами или, не имея сил отползти, стогали среди развалин. В пылу сражения бывают минуты, когда огонь воинский, воспламенив сердца, заглушает в них всякое другое чувство, особенно когда дело идет о независимости народной!» – вспоминал участник событий в своих мемуарах.

Погода стояла пасмурная, со слякотью и пронизывающим ветром; несмотря на глубокую осень, деревья еще зеленели – но только поутру: к сумеркам остались лишь голые черные ветви, листву снесли картечь и ядра.

Затишье охватило и площадь на восточной окраине города, перед Святыми воротами Черноостровской Николаевской обители, угнездившейся на правом берегу Лужи. При известии о подходе Наполеона братия – шестнадцать черноризцев во главе с игуменом Макарием – покинули монастырь. Белокаменная ограда со скругленными четырехугольными башенками по краям покрылась копотью, ворота – все в оспинах от картечи. Палили по ним нещадно и французы, и наши, особенно когда гренадеры 13-ой пехотной дивизии Бонапарта бросились в монастырь, а казаки Черниговского полка – следом, тесня противников и сбрасывая их в ров. Но – чудо! – нерукотворный образ Пресвятого Спаса в створе ворот остался цел и невредим.

Ночевать черниговцы устроились прямо у стен монастыря, кто как мог.

«На другой день, – пишет мемуарист, – 13 октября, ждали, что неприятель возобновит атаку. Удивление наше было чрезвычайно, когда мы узнали, что Наполеон решился отступить и направил свой путь на Смоленскую дорогу».

С покатога речного откоса, приподнявшись в стременах, смотрел есаул Магдебург, как таяли в рваном дыму уходящие колонны противника. За спиной у него курился изрытый ядрами Иванов луг.

Василий подобрал скользкие поводья, толкнул каблуком коня и, обернувшись к изумленным черниговцам, крикнул хрипло:

– Ну что, братцы, на Париж!

«Святой лик Спасителя на воротах с улыбкой добра и милости сиял утешительной надеждой».

Глава первая

БЕЛЫЙ ДОМ С ЗЕЛЕНЫМИ СТАВНЯМИ

1

Река Остер

Спрыгнув с подножки поезда, мальчик в гимназической тужурке поднял воротник и двинулся по перрону. Моросил мелкий дождь. Сквозь мокрую пелену смутно угадывались: вокзал, большие, оштукатуренные буквы «Нежин» и керосиновый фонарь над дверьми, куда ныряли прибывшие бобруйским поездом пассажиры. На высоких козлах, укрывшись с головой попоной, спал извозчик. Дремала и лошаденка.

– До города довезете? – окликнул мальчик.

– Тридцать копеек, – пробурчал из-под укрытия сиплый голос. – Дешевле, барич, по вечернему делу никак нельзя.

Бросив вперед чемодан, мальчик проворно залез в пролетку и прикрыл ноги кожаным фартуком. Лошадь, с трудом вытаскивая копыта из липкой грязи, побрела по размякшей проселочной дороге. Когда добрались до постоянного двора, хозяева уже спали. Ворча и спотыкаясь, чумазый мальчишка-половой зажег стеариновую свечу и отвел постояльца в свободную комнату. Ложиться было неохота. Не отпускало возбуждение от первого в жизни самостоятельного путешествия. Да, по правде говоря, и простыни на кровати выглядели сомнительно. Миша подошел к окну. Над Нежином пылал закат. На белые оштукатуренные стены одноэтажных домиков падал розовый отсвет, вечерние сады сливались в единое густо-зеленое шелестящее море. Пять золотых куполов собора сверкали в уходящем солнце. Мальчик распахнул окно. Запах осенних листьев, зрелых яблок, влажной травы, мешаясь, охватил его. Закатный луч упал на плывущий над куполами крест, и на мгновение показалось, что он горит – малиновые, алые, пурпурные краски захватили, заиграли на золотой крестовине и слились вдруг в кровавый красный цвет.

Спал Миша плохо. Сомнения насчет простыней оправдались полностью: клопы. Утром вчерашний мальчишка объяснил постояльцу, как найти Лицей, и с неожиданным энтузиазмом вызвался проводить. Не будь провожатого, потонуть бы Мише в непросыхаемой луже, той самой, которую воспел в «Мертвых душах» читанный-перечитанный Гоголь. Чумазый Вергилий вовремя ухватил подопечного за рукав и благополучно доставил к речке. На узкой, недвижной ее поверхности, где, перемежаясь с зелеными бликами, быстро мелькали серебристые тени, уткнувшись носом в прибрежные кусты, стояла лодка. В ней, опершись на воткнутое в воду весло, ждал кого-то старик в накинутах на плечи серой хламиде.

На том берегу торжественно вставал сад, полный цветов, дорожек и надежд. Свесившись через перила, Мишин провожатый метко плюнул на поплавок, увернулся от рыбака, чуть было не схватившего его за вихор, и умчался, поддавая босыми ногами сухие листья.

А Миша остался стоять, приоткрыв от изумления рот, перед величественным зданием Нежинского Лицея.

«Пробежав по струнам,
Золотым певуном,
Не жалею ни груди,
Ни глотки:
И сияй, и светлей,

Наш родимый лицей,
Знаменитый лицей Безбородки».

Н. В. Гербель

Таких лицеев Российской Империи было только два: прославленный Царскосельский и Нежинский, основанный на капиталы, оставленные по завещанию канцлера Александра Андреевича Безбородко, екатерининского вельможи и черниговского уроженца.

Трехэтажное здание Нежинского Лицея, украшенное колоннадой из двенадцати колонн, которую лицеисты называли «белым лебедем», увенчивалось фронтоном с надписью «Lebore et zello» – «Трудом и усердием» – родовым девизом князей Безбородко. Учрежденное высочайшим рескриптом в 1820 году под именем Гимназии высших наук, в 1875 году учебное заведение преобразовалось в Историко-филологический институт, который готовил учителей классических языков, русского языка и истории. С того же года отменили розги и разрешили поступать не только дворянам, но и отпрыскам других сословий. По-настоящему прославился институт и вошел в русскую историю знаменитым своим учеником, русским гением Николаем Васильевичем Гоголем. Сюда, в Нежин, в 1821 году дорожная пролетка, разбрызгивая грязь, доставила тщедушного длинноносого мальчишку, укутанного в салопы и обвязанного платками. Он простужался, кашлял, писал жалобные и почтительные письма маменьке, прогуливал уроки, писал эпиграммы в гимназический журнал, наряжаясь в женские костюмы, играл и сам ставил спектакли на сцене актового зала и даже начал писать. Первую пьесу Гоголя «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», увы, прочитали только его одноклассники. Уничтожил свое произведение будущий поджигатель второго тома бессмертной поэмы, наверное, из страха, что в сатирических образах преподаватели угадают себя: розги в то время еще не отменили. «Нежинская рукопись» – так, кстати, называется единственный сохранившийся оригинал «Тараса Бульбы», который был найден среди подарков графа Безбородко Лицею.

Давно убежал чумазый посыльный, а пятнадцатилетний Михаил Савич все стоял перед мраморными ступеньками, ведущими к белой колоннаде, вдыхал аромат сада, вслушивался в гомон деловито спешащих лицеистов, и душа его была полна предвкушением жизни. Наконец, он встрепенулся и двинулся, как было положено по инструкции, данной ему в Бобруйском казначействе, к письмоводителю Федору Даниловичу Проценко.

Тот принял нового лицеиста незамедлительно, рассказал о гимназических правилах и выдал стипендию вперед за три месяца – ни много ни мало, а пятьдесят рублей. Склонившись близоруко над ведомостью, мальчик расписался: Михаил Савич, 27 августа 1892 год. Сдвинув озабоченно кустистые брови, Федор Данилович поинтересовался:

– Надобно ли вам, сударь, помочь с размещением? Мы обычно рекомендуем гимназистам семьи, в коих контроль осуществляется и надзор за их поведением и учебой.

– Благодарю, Федор Данилович, но родители мои уже побеспокоились о моем проживании. При мне письмо к вдове знакомого отца моего по Бобруйску, майора Трофима Васильевича Магдебурга.

– Как же, как же, почтенное семейство, – закивал письмоводитель. – Дом их, кстати сказать, расположен недалеко от Лицея, на Преображенской улице. Опаздывать не будете на заня-

тия. У них, я знаю, как раз комната освободилась, поскольку Григорий, сын покойного Трофима Васильевича, в этом году в Киевское юнкерское училище поступил.

2

Река Днепр

Подтянутый молодой человек в ладно сидящей солдатской шинели решительно поднимался вверх по парадной лестнице. В его уверенных движениях не было ни следа юношеской неуклюжести. Светлые, глубоко посаженные глаза с веселым любопытством оглядывали необычную для военного училища суматоху. Вверх-вниз сновали, перепрыгивая через две ступеньки и скатываясь с гимназической быстротой, юнкера выпускного курса. Дробно стучали каблуки и звякали шпоры. В сводчатых коридорах, залитых светом, в обилии проникающем сквозь решетчатые окна и бойницы, оживленно жестикулировали преподаватели. Громкими, возбужденными голосами обсуждали вакансии, поздравляли счастливых с удачным назначением. Артиллеристы и будущие инженеры, собравшись в кучки, звонко перебирали названия южных городов: Екатеринодар, Екатеринослав, Одесса. Подбоченясь, горделиво выпячивал грудь единственный из всех гвардеец. Кто-то, не разделяя общего веселья, уныло смотрел на бумагу с назначением в отчаянную сибирскую глушь.

Перекрывая разноголосицу, загремел голос дежурного юнкера: «Господам офицерам строиться на передней линейке».

Всем разговорам конец. На ходу поправляя гимнастерки, юнкера понеслись в необъятный актовый зал. Молодой человек в солдатской шинели, вздохнув, уселся на покатый подоконник: первокурсникам там делать нечего. В парадный строй ровнехонькой серой стеной встали юнкера, которые сегодня закончили двухгодичный курс. Из-за стеклянных створок слышен рокошующий бас начальника училища полковника Самохвалова:

– Поздравляю первый офицерский выпуск Киевского пехотного училища 1892 года с производством!

Двери актового зала распахнулись. Вновь произведенные офицеры счастливым напором ринулись вниз по лестнице, и, волной подхватив нисколько не сопротивляющегося первокурсника, скатились во двор училища. Кутерьма, кипенье, гвалт. Кто-то открывает шампанское, кто-то бежит ловить извозчика, чтобы немедленно ехать в город, кто-то кричит: «Виват!»

Вдруг из дверей казармы появилась необыкновенная процессия. Четверо юнкеров, наряженных в ризы из одеял, несли снятую с петель дверь, которая изображала собой гроб. На гробе том грудой лежали учебники. Впереди, успевший облечься в новенький мундир с золотыми полосками погон, шел невысокий коренастый подпоручик с широким и старательно серьезным лицом. Гроб сопровождал хор со свечками и кадилами, в которых дымился дешевый табак.

– Похороны науки! – с важным видом взывал «батюшка» в накинута на плечи простыне.

Шутовское шествие двигалось по двору, обрастая хохочущими «плакальщиками». На крышку «гроба» летели задачки, тетради, шпаргалки. Поручик с золотыми погонами метнул взгляд на первокурсника, которому явно были в новинку юнкерские шалости. Он остановился, подмигнул смеющимся глазом и крикнул: «Ты с нами, юнкер?» Широко отмахнув рукой, первокурсник хлопнул по снятой двери и отозвался с веселой готовностью:

– Точно так, господин поручик, с вами! До гробовой доски!

Тень мелькнула на лице поручика.

– Тебя как звать?

– Григорий Магдебург. А тебя?

– А я – Антон. Антон Деникин.

3

Река Остер

Коричневые платица, черные фартучки с воланами, атласные ленты, – веселый вихрь, какой всегда подхватывает школьников и птиц, выпущенных на свободу, вылетел из дверей гимназии Кушакевич, рассыпался на парочки и смешался с уличной толчеей. Ученица первого класса Женечка Магдебург натянула на плечо клеенчатый ранец и спустилась по ступенькам. Сегодня ее никто не встречал. Она, как большая, пойдет домой одна.

Сначала по главной улице – денек выдался не по-осеннему солнечный, и Гоголевская, недавно замощенная булыжником, полна гуляющей публики. В скверике около памятника Гоголю сладко пахнет сдобными булками и кренделями, которыми торгуют прямо с лотков. У входа в лавку Москаленко благоухает огромная бочка со знаменитыми нежинскими огурцами. Женечка эту лавку хорошо знает. Здесь живет ее подруга и одноклассница Маша, дочка хозяина. Огурцы мама не покупает, солит сама, не хуже Москаленок, хотя и говорят, что они поставляют соленья в Петербург, к царскому столу. А покупает мама здесь колбасу, тонкую, сухую, которую изготавливает прямо во дворе старик-грек, и сладости. Женечка немного потолкалась у витрины москаленковской лавки, любуясь на россыпь городских конфет, которые ей доставались только по праздникам, и побежала дальше. Мимо Благовещенского монастыря, где толпятся у входа богомолцы с запыленными ногами и крестьяне с коричневыми лицами. Мимо длинных одноэтажных домиков, почти не видных за пышными фруктовыми садами. Мимо городского парка с золотыми акациями и пирамидальными тополями. Вот и любимая Женечкина Соборная площадь. Слева – белоснежный греческий храм. Классная дама говорила, что он похож на Акрополь. Справа – Николаевский казацкий Собор. Папа считал его своим и по большим праздникам, разглаживая тронутые проседью усы, торжественно опускал в ящик для пожертвований свернутую ассигнацию.

Пятиглавый, с вытянутыми вверх луковицами, с красивейшими одинаковыми фасадами, как это было принято во многих соборах, построенных в конце XVIII века в Малороссии русскими архитекторами, Николаевский храм являл собой великолепный образец украинского барокко. Поставленный на средства казаков, ими и поддерживался, был средоточием казацкой жизни.

Каждодневно же Магдебурги посещали близкий к дому Преображенский храм. Зеленый купол и кирпичные стены, увитые хмелем, служили Женечке главным ориентиром: не доходя до Собора, надо было повернуть направо, на Преображенскую улицу. Дом белел сквозь сбегающий к реке сад. Бахча, огород с огурчиками, смородиновые кусты и, конечно, травы, которые мама выращивала в изобилии, а потом варила в медной кастрюльке от всех хворей, и которыми выстилала днища дубовых бочонков под соленья. Резное крыльцо, пестрые тени на ступеньках, скамейка под зелеными ставнями.

Накинув на полные плечи пестрый платок, Мария Александровна стояла у калитки и терпеливо глядела на дорогу. Дочке пора бы появиться из гимназии. А вот и она!

Щурясь на нежное нежинское солнце, Мария Александровна смотрела, как заворачивает из-за угла и несется ей навстречу румяная девочка в коричневом платье и черном фартучке. Подбежала и запнулась в нерешительности. Рядом с мамой стоял незнакомый подросток с серыми внимательными глазами.

– Посмотри, Женечка, кто к нам приехал. Это Миша Савич, сын папиного старого друга из Бобруйска.

Мальчик залился краской и пробормотал:

– Очень рад.

4

Над столом в кабинете у Трофима Васильевича Магдебурга висел портрет его отца, есаула Черниговского полка Василия Магдебурга, изображенного самодеятельным художником с саблей в руках, в малиновых шароварах с лампасами и в черной курчавой шапке. Фамилию, столь необычную для черниговского казака, унаследовал Василий от своего прадеда, прибывшего в Запорожскую Сечь из немецкого города Магдебурга, название которого и закрепилось, как это велось у сечевиков, в его прозвище. Дед Василий, которого старшие сыновья Трофима помнили крепким седым стариком, участвовал в походах против шведов, брал далекую северную крепость Свеаборг, а в достопамятном 1812 году гнал француза по белорусской дороге, от Малоярославца до Березины.

Армейская служба была традиционной для Магдебургов. Как и братья, Трофим начал военную карьеру рядовым Карабинерского полка. До унтер-офицера дослужился в Вологодском пехотном. В Крымскую кампанию 4-ый резервный батальон, где Трофим служил фельдфебелем, отправили на Северный океан воевать против соединенных флотов Англии и Франции. Летом 1855 стояли при Сестрорецком оружейном заводе под начальством генерал-лейтенанта Мирошевича, командующего войсками, расположенными от Петербурга до Выборга. Несколько часов французские корабли Сестрорецк обстреливали, но куда им против казаков! – так и не решились высадить десант.

В 1863 вспыхнул Польский мятеж. Шайки поляков прятались по лесам, разоряли и грабили русские поселки, вешали тех, кто оставался верен Царю. Смоленский резервный полк, в котором служил Трофим Магдебург, был направлен в Западные губернии. Рота прапорщика Магдебурга настигла отряд одного из предводителей восстания, литовского магната Свенторжецкого, и весь поголовно, вместе с начальником, взяла в плен, отобрала оружие и немалую сумму денег. Летом полк был востребован в Минск, в уезде которого усилился мятеж. Там, в белорусских лесах, получил Трофим Васильевич первое ранение и сабельный шрам. В 1863 году Государь повелел все новообразованные полки сделать трехбатальонными и дал им новые названия. Полк, в котором служил Трофим Магдебург, стал 117-ым Ярославским.

Став командиром роты, Трофим Васильевич женился на дочери губернского секретаря Марии Александровне Васильковой. В Бобруйской крепости, которую называли самой полезной цитаделью Империи, родились у них трое сыновей – Владимир, Василий и Григорий.

12 апреля 1877 года Император Александр II издал манифест о войне с Турцией. Полк мобилизовался быстро и выступил с походом из Бобруйска в Киев.

15 июня 1877 года русские войска перешли реку Дунай по понтонному мосту, наведенному саперами у Зимницы, и вторглись на турецкую землю.

Пройдя кампанию от Зимницы до Константинополя, Трофим Васильевич Магдебург серьезно ранен не был, шрамы не считал, однако легкие надорвал и, вернувшись с полком из Турции, вышел в отставку. Осел не в Бобруйске, а в теплом и уютном Нежине, где купил дом на берегу реки Остер. На покое прожил еще десять лет. Старших сыновей, Василия и Владимира, отправил в военные училища – не было это даже поводом для раздумий. Григория, который больше других братьев тянулся к учебе, отдал в знаменитый Нежинский лицей. В Нежине родились у Трофима Васильевича и Марии Александровны младшие дети: Яков, Павел, Константин и дочка Женечка. Трофим Васильевич говаривал, что долг свой перед Отечеством он выполнил, родив шестерых сыновей, а дочка – это уже для него, Божий дар.

Отставной майор был немолод, но бодрость духа не терял. На боли в груди не жаловался, терпел, однако кашель выдавал угнездившуюся в легких болезнь. Мария Александровна

лечила его собственноручно изготовленными декохтами, он, посмеиваясь, называл жену полковым лекарем, однако выпивал душистые отвары покорно. Расположившись у окна в кресле с потертыми бархатными подлокотниками, и зимой и летом крест-накрест повязанный жениным пуховым платком, Трофим Васильевич пыхтел трубкой и листал «Календарь Черниговской губернии». Вечерами Мария Александровна зажигала свечу и садилась за штопку, натянув на деревянный грибок детские носки. Трофим Васильевич подвигался ближе к огню, так, чтобы печным жаром прогревало спину, и рассказывал сыновьям бесконечные истории про Бову-Королевича, как называло Михаила Скобелева-второго все Русское войско. Мальчики, розовея в отсветах пламени, смотрели, как пищет круги вишневая трубка, как сплетается из теплого воздуха и жарких искр и гарцует на вычищенном жеребце Белый генерал. Пел самовар, а тысячи турецких аскеров походными колоннами окружали Плевну, лилось густое, как кровь, болгарское вино – гымза, и шли по Зеленым холмам в штыковые атаки румынские уланы, и ломали на Шипкинском перевале по-братски пшеничные галеты казаки и стрелки, и встречали победителей Осман-паши черноокие красавицы с иконами, хлебом и солью...

Чай стыл в чашках.

– Папа, расскажи про шрам на щеке!

Трофим Васильевич спускает Женечку с рук. Подносит к усам изрядную рюмку с малиновой наливочкой и выпивает единым духом. Из бисерного, вышитого дочкой кисета отсыпает свежего табаку. Мальчики ерзают, поминутно вздыхают, хотя историю эту много раз от папы слышали. А Трофим Васильевич, как нарочно, внушительно откашливается, долго копаясь, достает из кармана домашнего сюртука кремень, стучит, сыпятся искры, и блестят сквозь пелену тумана снаряды из стальных орудий Осман-паши.

Река Осма

Общий штурм Плевны назначен был на 30 августа 1877 года. С утра шел сильный дождь, и стоял туман, такой непроницаемый, что в сотне шагов не было видно ни зги. За густой пеленой лежал маленький болгарский городок. Русская артиллерия прекращала огонь лишь на короткие промежутки. Пехота ждала трех часов дня, чтобы одновременно атаковать турок, взятых в широкое каре. Около полудня у турок поднялась отчаянная пальба. Начальник штаба 16-ой дивизии генерал-майор Гренквист решил, что началась атака, и двинул на Плевну передний Углицкий полк. Командир Ярославского полка, полковник Федор Хитрово, с утра получивший приказ идти следом для атаки за угличанами, повел на штурм и свои батальоны.

В тяжелом мокром тумане поднялся Ярославский полк; солдаты и офицеры, в отяжелевших от дождевой воды мундирах, шли под картечью и пулями, с трудом вынимая из вспаханного грунта облепленные грязью сапоги. Турки, увидев, что в атаку идут только два русских полка, подтянули к глиняным откосам редута резервы и залили русских пулями. Ярославцы бросились вперед бегом, но сразу стали задыхаться, потому как ноги вязли в грязи по колено. Не было никакого прикрытия, но они продолжали двигаться, непрерывно и неуклонно. Добравшись, наконец, до первого укрепления, полк залег и открыл стрельбу.

– Тщетно ждали мы подкрепления, – продолжал свой рассказ Трофим Васильевич, – никто не шел нам на помощь. Все ожидали назначенного часа, а полк все таял да таял.

Больше часа продержались ярославцы на открытой местности под адским огнем турок. Медленно стали уходить, унося раненых.

– Командир нашего батальона майор Соколов в заляпанном кровью и грязью мундире вел нас на штурм, не слезая с коня. Дважды был ранен. Солдаты просили его вернуться, сделать перевязку, но он не слушал их. Последние слова майора были: «Вперед, голубчики!», и новая пуля, пробившая голову, свалила его с коня. Увидев, что мои солдаты не в силах взобраться

по размокшей земле на вал, я крикнул: «Рота, за мной!». Скользя и падая, побежал я по дну рва в тыл туркам. Синие куртки аскеров заполнили укрепление. Начался рукопашный бой...

В три часа загремели оркестры, взметнулись знамена, и русские полки двинулись на штурм редутов, которые после этих кровавых дней назовут скобелевскими. Но мои храбрецы уже этого не слышали. Они лежали, переколотые турецкими штыками. Сам я опомнился в лазарете с перевязанной головой. Санитар нашей роты Ефим Евстеев вынес меня под градом пуль на своих плечах.

На этом месте Мария Александровна обычно сокрушенно качала головой, крестилась и шептала: «Дай Бог ему здоровья».

– Ну что, казаки, – спросил Трофим Васильевич сыновей, – кто нашу полковую помнит?

Мальчики переглянулись: папа, рассказав историю про штурм Плевны, всегда вспоминал полковую песню. Вскочив проворно, они выстроились по росту и запели высокими и чистыми голосами:

Аты-баты, в прошлую войну,
Аты-баты, с турком воевали.
Мне за это дали
Сразу две медали,
Ротный получил всего одну.

Похоронив летом 1892 года отца, Григорий Магдебург записался вольноопределяющимся в 117-ый Ярославский полк, и через месяц был направлен на учебу в Киевское пехотное училище.

5

Река Березина

Появлению Миши Савича в кабинете у письмоводителя Нежинского лицея господина Проценки предшествовала длительная и дотошная переписка. К прошению о принятии сына, окончившего к тому времени три класса бобруйской прогимназии, на казенный кошт в прославленное учебное заведение и получении полного денежного обеспечения на обмундирование, питание, найм жилья, проезд и разные школьные надобности, Людвиг Федорович Савич должен был приложить немалое число документов. Прежде всего, требовалась копия записи из церковной книги о крещении мальчика, документ о явке к исполнению воинской повинности и увольнительное свидетельство от общества мещан города Бобруйска. Подробно описать следовало имущественное положение семьи, род занятий отца, состав и численность семейства, находящегося на его иждивении, и свидетельство о благонадежности.

Завернув документы в серую почтовую бумагу, Людвиг Федорович разгладил ладонью широкую бороду и облегченно вздохнул:

– Вроде ничего не упустили.

– Я уже беспокоиться начала, что не поспеем к сроку, – Варвара Александровна, суховатая дама с гладко зачесанными волосами, подала мужу склянку с сургучом и добавила, саркастически поджав губы. – Разве только до седьмого колена историю не потребовали описать.

– Да, матушка, на судьбу отца моего, Тадеуша Савича, столько выпало, что не то прошение, а роман авантюрный написать можно. Да и моя жизнь в справки не укладывается.

...Темный бор навис над горизонтом, как туча. Вокруг небольшой шляхтенской усадьбы рассыпались соломенные крыши селян. Узкая каменистая дорога ведет к замку, который возвышается над фольварком Лоск Ошмянского повета Виленской губернии. Золотые липы укрывают белокаменную церковку, построенную на месте старой, бревенчатой, сожженной французами при отступлении. На пепелище стоит и корчма, где жид Лейба Кац с пейсами до плеч записывает мелом на стене долги своих завсегдатаев.

Над крышей панского дома шелестят березы, вихрь кружит по двору опавшие листья. Сквозь оконце едва пробивается свет.

Наморщив лоб, близоруко склонился над столом хозяин усадьбы, тербит задумчиво мягкую белокурую бородку. На шее у него повязан шелковый платок, сюртук тонкого зеленого сукна и с отворотами по последней моде расстегнут свободно. Обмакнув перо в чернильницу, он стряс каплю и вывел изящным почерком: «Второе октября 1830 года. Я, Тадеуш Савич, подтверждаю, что род мой идет от предка Семена Савича чрез десять поколений».

«Столетиями, – писал польский хронист Гаспар Несецкий, – известны были Савичи, из коих некоторые именуются Савич-Рычгорские, другие же Савич-Заблоцкие, и прочие: Иван Савич, муж воинственный; сын его Лаврентий был Троицким земским судьей; его сын Иван Александр был в военной службе в команде гетмана Сапеги; Фома Савич в 1648 г. избран был депутатом для заключения конвенции с королем Казимиром; Станислав в Минском воеводстве, Альберт (Войцех) в звании королевского камер-юнкера жительство имел в Виленском, а после в Ошмянском поветах. Дворянство подтверждено определением, учиненным 12 февраля 1802 года, о чем документов на гербовой бумаге им не выдано, затем что они по бедности купить таковой не могут».

В результате разделов Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией, окончательно утвердившись после разгрома Наполеона, граница, разделяющая католический и православный мир, сместилась к западу, а

белорусские и литовские земли, включая Виленскую губернию, вошли в состав Российской империи.

Белорусская Шляхта осталась лично свободной, обладала правом голоса на местных сеймах, не платила налогов, но по состоятельности мало отличалась от крестьян. Шляхтич, однако, дорожил своими сословными привилегиями, и, если ему случалось по бедности самому удобрять поле, то рядом с вилами спесивый пан втыкал дедовскую саблю. Чтобы не быть по ревизии записанным в вольные хлебопашцы или мещане, или иное податное, другими словами, облагаемое налогами сословие, нужно было документально подтвердить свое благородное происхождение. Пересмотры дел продолжались годами и так называемый «шляхтенский разбор» растянулся на десятилетия.

Темнеет. Потрескивает фитиль догорающей свечи.

Отточенное гусиное перо, чернильница. Жбан с квасом. Книги в кожаных переплетах, отпечатанные в старинной, в XVI веке основанной за каменными стенами Лоскского замка, типографии. Самолично переплетенные паном Тадеушем рукописи, которые он держит подальше от посторонних глаз. Свернутый в трубочку и перевязанный шнурком «Минский вариант» проекта Русской конституции, написанный декабристом Никитой Муравьевым. Устав «Демократического общества», тайной организации, членом коей со студенчества состоял Тадеуш Савич. Сверху выведено: «За нашу и вашу свободу!». Под этим лозунгом студенты Виленского университета добивались расширения польского восстания на земли бывшего великого княжества Литовского. Самая драгоценность – стихи на «полесском» языке двоюродного брата хозяина усадьбы, инсургента и поэта Франца Савича: «Там, близко Пиньска на широком полю». Как видно, кипение и возмущение умов в Польше достигло и фольварка Лоска.

Во дворе залаял пес. Пан Тадеуш обернулся с удивлением: в чем дело?

Дворовой человек стянул с головы шапку, поклонился и протянул сверток:

– Ваша милость, почту привезли из Вильны.

Хозяин сорвал с длинного узкого конверта печать, развернул сложенный вдвое шершавый листок и сразу узнал руку своего однокурсника по Виленскому университету. Письмо содержало известие об аресте Франца Савича. Изменившись в лице, Тадеуш несколько раз быстро прошел по комнате. Постоял, задумавшись, затем крепко стиснул зубы и замкнул на ключ дверь.

Он сгреб со стола конверты, деловые бумаги, рукописи и, помечая свой путь к печи белыми листками, ворохом бросил их у огня. Сверху кипы легло, как эпитафия, письмо Франца:

– Боже мой! Подумать страшно, что ждет его: каторга? Кавказ?

Тадеуш поднес к глазам и повторил строки, кои давно уже знал наизусть: «И с высоты виселицы, как с высоты трона, должен призвать: восстаньте, народы! Восстаньте во имя растоптанных прав человека!» В печи горели, потрескивая, сухие березовые дрова. Пан Тадеуш расшевелил кочергой угли и одну за другой стал бросать в огонь бумаги, отвернув от пышущего жара разом потускневшее лицо. Листы схватывались с краев огнем и темнели, и рассыпались коричневыми хлопьями.

Идея возрождения Речи Посполитой, которая постоянно возбуждала восстания в Польше, имела сторонников и среди русской полонизированной шляхты в Западной Белоруссии.

Результатом волнений 1830 года стали действия русских властей по деполонизации Западного края: перевод делопроизводства и обучения в учебных заведениях на русский язык, закрытие Виленского университета, аресты инсургентов и увольнения со службы шляхтичей, участвовавших

в восстании. В конце концов, в 1839 году на Полоцком соборе была ликвидирована уния, а униаты переведены в православие. Как всегда, государственная машина разворачивалась тяжеломерно, не замечая деталей.

Дворянское достоинство Савичей подтвердили в 1847 году. Документы подоспели к похоронам. Пан Тадеуш и его жена Анна умерли от холеры, оставив малолетнего Людвига на попечении дяди. Егор Савич служил управляющим у помещика Алоизия Пржецишевского, в его имении Изряки, что под Полоцком.

6

1863 год ввел в исторический обиход понятия «белые» и «красные». «Белой гвардией» называли партию польских магнатов, которые последовательно стремились восстановить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 года. «Красные» же подбивали на бунты крестьян и включали в свою программу решение аграрного вопроса. Не имея сил на открытые столкновения с русскими войсками, повстанцы действовали методами партизанской войны.

Усадьба пана Пржецишевского превратилась в гнездо восстания. Отправив жену с младшими детьми в Ниццу, пан Алоизий всей своей мятежной душой окунулся в дело «белой гвардии».

По улицам фольварка разъезжали телеги с вооруженными людьми, на вспененных лошадях мчались из Варшавы в Минск курьеры в вязаных конфедератках. В костелах распевали патриотические песни и оскорбительные куплеты, прятали оружие и прокламации, а католическое духовенство открыто призывало: «Лучше забыть обиду на панов и помнить, что главный враг – это москаль!» Магнаты вывозили за границу имущество из имений и выходили «до лясу», где составлялись вооруженные отряды для войны с «пшеклентыми москалями»: мелкая шляхта, чиновники, разночинцы, гимназисты, дворовая челядь. Смута охватила все шесть губерний Западного края. Горели православные церкви, целые деревни, населенные староведами, казенные присутствия. Повстанцы врывались в волостные управления, срывали портреты Александра II, рубили телеграфные столбы.

Сын хозяина имения Адам Пржецишевский, одетый с иголки франт, и молодой управляющий Людвиг Савич, в бурке, расшитой ручками белолицей пани, крутились в центре событий. Под видом хозяйственных дел они обходили «рогатки», устроенные правительством, и отводили лошадей и коров в лес, который покрывал отряд литовского магната пана Свенторжецкого, как густая пуща.

Руководители «красного крыла» безуспешно пытались втянуть в бунт крестьян, которые по большей части были православными или униатами и польские интересы не разделяли. Несколько русских полков, в числе которых и был Смоленский резервный, в пару месяцев остановили восстание. Генерал-губернатор Муравьев действовал решительно и энергично. Населению запретили выходить в ночное время без фонарей, носить траур и провели земельную реформу. Западный край был замирен.

Пан Алоизий бежал во Францию и продолжил свою «подрывную» деятельность в парижских салонах. Имение Изряки сожгли, землю по новому закону передали крестьянам, а имущество конфисковали в казну. Адама Пржецишевского сослали в Олонецкую губернию за «прием у себя мятежников и помощь продовольствием». Людвиг Савич, управляющий сторевающим имением, за «отвод лошади и коровы» по решению сначала Полоцкого, а затем Витебского суда был лишен дворянского достоинства и отправлен на военную службу в войска Сибири.

«ДЕЛО О ШЛЯХТИЧЕ САВИЧЕ»

«Правительствующий Сенат полагает: утвердить приговор Витебского Главного суда Первого департамента, с коим согласился и тамошний гражданский губернатор. Людвиг Савича, лишив оного права именоваться шляхтичем и доказывать сие достоинство, отдать в солдаты; в случае же совершенной неспособности к военной службе, сослать в Сибирь на поселение. Дело сие слушано и решено в Гражданском Департаменте Государственного Совета.

Список препровожден к господину управляющему Министерством Юстиции при отношении Государственной Канцелярии».

К военной службе Людвиг Савич оказался годен. Через пять лет он получил освобождение от полицейского надзора и свидетельство на свободное проживание.

Вернулся в Вильно. Старый друг и однокурсник отца по Виленскому университету помог устроиться в губернскую канцелярию, а потом рекомендовал на место управляющего имением в фольварке Панюшковичи Могилевской губернии. Там, окончательно остепенившись и приняв русское произношение отчества, и устроился Людвиг Федорович с женой Варварой Александровной и дочерью Сашенькой. В 1876 году у них родился сын Михаил. Репутация молодого Савича укрепилась, предложение управлять необъятным имением Плесы Бобруйского уезда пришло вовремя и упрочило положение семьи, в которой появились на свет еще двое детей: сын Александр и дочь Зиночка. Обоих крестили в деревне Телуша, в Свято-Николаевской церкви.

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

А. С. Пушкин, «Клеветникам России»

...По согретой солнцем Преображенской улице в коричневом гимназическом платье бежит дочка освободителя Плевны, внучка черниговского казака и героя 1812 года, бежит навстречу потомку польских инсургентов и своей судьбе...

7

Река Остер

В квадрате солнечного света лежал и пах душисто вынутый из печи хлеб. Миша поднял край белого, расшитого красными петухами рушника, отрезал, не жалея, пружинистый ломоть и вышел в сад.

Ветви грузно оседали под тяжестью гладких, почти восковых плодов. Мальчик потянул носом, вбирая в себя сладковатый яблоневый дух, и поднял руку. Яблоко скользнуло и наполнило ладонь.

– Вот сорванец! Опять без завтрака убежал! Выпей молочка, только свежее принесли, – окликнула его Мария Александровна.

Просторный дом, зимние стволы в белых, нарисованных извесью носочках, сливовое варенье, выложенное Марией Александровной в фарфоровые розетки, – Миша прибил к семье Магдебургов. Привык к веселой насмешливости и немецкой педантичности старших сыновей покойного Трофима Васильевича, их командным голосам и витым аксельбантам, к неумолимой предприимчивости младших отпрысков и чернобровому, кареглазому, словно у гоголевской Оксаны, личику Жени.

– Реве та й стогне Днипр широкий», – запевали, собравшись за столом, братья Магдебурги, и Миша вступал неокрепшим юношеским тенором:

– Сердитый витер завыва.

Каникулы Михаил обычно проводил в Бобруйске, у родителей. В 1894 году он возвратился в Нежин в середине августа: семейство Савичей перебиралось в Гомель, где Людвиг Федорович устраивался основательно, на покой. Вернувшегося неурочно Мише постелили в гостиной на диване: комната была занята подпоручиком Григорием Магдебургом, который прибыл навестить семью по дороге к месту службы. По окончании пехотно-юнкерского училища он был откомандирован в 133-й Симферопольский пехотный полк, расквартированный в Екатеринославе – столице Южной губернии.

Всем, кто сдавал комнаты лицеистам, положено было вести кондуит. На разграфленных листах Мария Александровна отмечала поведение, происшествия, время и причину отсутствия своего квартиранта, добросовестно фиксируя события мальчишеской жизни. Писала она, правда, лапидарно: гулял, пел, а чаще всего – читал. Учился Михаил с душой, однако не без обычных подростковых проказ: мелькают время от времени и замечания – то службу церковную пропустил без уважительной причины, а то – на уроке вертелся.

Программа Нежинского лицея, построенная по образцу Царскосельского, сильно превосходила все то, что Миша изучал в Бобруйске, особенно по части древних языков и античной литературы. Впрочем, с классическими дисциплинами лицеист Савич справлялся без особых усилий. Хуже обстояло дело с немецким: в Бобруйской прогимназии из новых языков проходили только французский. Пришлось Михаилу – о, майн Готт! – усиленно корпеть над плюсквамперфектами. Вертеться стало некогда.

На выпускном экзамене каждого посадили за отдельный столик, причем столики расставили на почтительном расстоянии друг от друга, чтобы исключить списывания и подсказки. Михаилу попалась «История тридцатилетней войны» Шиллера. Перевел легко. Пятерка. Не зря, видно, весну анахоретом просидел. По другим дисциплинам оценки тоже отличные. Одна только тройка затесалась в блестящий Мишин аттестат – по математике.

С тех пор так в семье и повелось: никто из нас по точным наукам выше среднего не поднимался.

В 1890 году Михаил Савич без вступительных экзаменов был зачислен в историко-филологический институт князя Безбородко.

8

Река Днепр

Скучная пыльная провинциальная жизнь: выпивка, карты и сплетни, может быть, и существовала где-нибудь, кроме романов Куприна, но только не в Екатеринославе – блестящей военной столице Южной губернии. Сюда, начиная с турецкой войны, сместился центр формирования русской армии для защиты южных границ, а также созданная знаменитым русским хирургом Пироговым главная госпитальная база.

Со времен Екатерининского путешествия по Крыму город рос и ширился вокруг величественного Потемкинского дворца. По-петербургски роскошные залы с хрустальными канделябрами, мраморные колонны, тайные подземные ходы и секретные комнаты будоражили воображение студентов разместившегося во дворце Горного института.

Экономический бум, захвативший южную столицу Империи, вознес ее до сравнений со столицей северной. Первая в России трамвайная линия с юркими зелеными трамваями, громада Брянских металлургических заводов, нависшая над Днепром, модные магазины, салоны в домах интеллигенции, роскошные гостиницы, где в зеркальных ресторанах пили крымское вино с императорских виноградников бельгийские концессионеры и малороссийские купцы из крепостных, – успех стоял в воздухе, крепкий, как запах дорогих сигар.

Екатерининский бульвар залит электрическим светом. По аллеям, обсаженным двойным рядом акаций и каштанов, гарцуют на холеных лошадях молодые офицеры Симферопольского и Феодосийского полков расквартированной в Екатеринославе 34-ой дивизии. Оставив казармы, расположенные на правом берегу Днепра, они выезжают вечером в город «развлекаться». Выбор велик: Английский клуб, первый в России после петербургского, где выступают с концертами Шаляпин и Скрябин, Офицерское собрание – рулетка, карты, модное до лихорадки лото и выставки передвижников, Благородное собрание со своим драматическим театром. Летом – скачки, яхты, гуляния в пышных городских садах с фонтанами и оранжереями. Зимой – катки, ледяные горки, балы.

Скрипит под колесами снег, пятна фонарей сливаются в одну неровную полосу, светится серебряная мостовая Екатерининского бульвара. Редкий медленный снег ложится на электрические гирлянды, опутавшие белые ветви акаций, на елку у входа в отель «Бристоль», увешанную золочеными орехами, бубликами, лентами. Сверкают сквозь снежную завесу стрельчатые окна Английского клуба.

Коляска остановилась у подъезда. Швейцар в коричневой ливрее с золотыми галунами предупредительно распахнул настежь дубовую дверь. Легко соскочив на ковровую дорожку, невысокий щеголеватый офицер вошел в вестибюль.

Веселый запах мороза, духов и пудры. Стремительно летит с плеч заснеженный мех, брызжут с хрустальных подвесок разноцветные огни; огромное, во всю стену, зеркало наполняется кружевами, нежной белизной перьев и мельканием рук, быстро пробегающим по несуществующим складкам. Со второго этажа несутся бравурные звуки оркестра Симферопольского полка. Раскланиваясь и ловко лавируя между возбужденных музыкой и светом дам, офицер взбежал по широкой лестнице с мраморными перилами.

В бильярдной, низко склонившись над зеленым сукном, целил кий поручик Феодосийского полка Леонтий Ломаковский. Его соперник, капитан Люткевич, крутил в руке стек с золотым набалдашником в виде льва, и, закинув назад голову с коротким светлым ежиком, выпускал ровные круги дыма. По его спокойному и равнодушному виду невозможно было догадаться, что он проигрывает. Кий сухо щелкнул по шару. Ломаковский выпрямился, весело повел плечами и оглядел столпившихся вокруг стола военных торжествующим взглядом. Он

казался бы надменным со своим тщательным офицерским пробормом и крепкими решительными губами, если бы не румянец во всю щеку, насмешливые искорки в глазах и ловкие молодые движения.

– Григорий! – он приветственно качнул кием офицеру, который появился в дверях бильярдной, неся за собой праздничный будоражащий гул. – А я тебя жду! Пойдем в зал! Там уже танцуют!

У окна, быстро обмахиваясь веером, стояла немолодая крупная дама в пенсне. Подавшись вперед, она покровительственно шептала что-то девушке в белом гладком платье.

– Ма тант, – пропел Леонтий, подлетая к величественной даме, – позвольте представить вам моего сослуживца, поручика Магдебурга.

Григорий поклонился.

– Моя сестра Александра, – радостно засиял Леонтий.

– Все говорят, что она на меня похожа.

Каштановые волосы кружились вокруг слегка склоненной головы, внимательно и ясно смотрели – и правда, такие же, как у брата – чуть насмешливые глаза.

Александра. Боже мой!

– Полонез! – закричал за спиной громкий фальцет, и маленькая рука в лайковой перчатке доверчиво легла в его ладонь.

9

Река Остер

Не любительница была Мария Александровна ходить по присутствиям, да и кто любитель?

Оказавшись в казенном учреждении, она робела, делалась жалкой и маленькой, теряя слова, путано – от Адама – рассказывала про свое вдовство, про протертые пальтишки и рукава до локтя, про мужнины медали и опустевшие комнаты. Глаза тут же оказывались на мокром месте, ничего не помогал извлеченный из ридикюля кружевной платок, а казенные лица расплывались и белесыми пятнами кружились вокруг нее в пугающем хороводе.

Старших сыновей Трофим Васильевич, Царствие ему Небесное, успел поднять. Все трое служили в чинах, хоть и небольших по молодости лет, но на хорошем счету. Жаль, конечно, что квартировали их полки в разных городах, но этим ни братьев Магдебургов, всю жизнь проездившим за отцом по военным гарнизонам, ни саму отставную майоршу не напугать.

Младших Марии Александровне пришлось растить уже одной. На небольшую пенсию, которую назначили после смерти отца семейства, прожить было можно, учитывая ловкость и сноровку, с которой она вела хозяйство, однако хорошее образование в ее скромные расчеты не укладывалось. Вместо Лицея, который блестяще закончил Гриша, или кадетских корпусов, где учились Василий и Владимир, пришлось отдать мальчиков в Народное училище. Курс в недавно открытом учебном заведении, которое оказалось серьезным сверх ожиданий, подходил к завершению, и пора было думать о высшем образовании. Не простит ее Трофим Васильевич, если не поставит она младших на военную стезю.

Повздыхав и поохав, Мария Александровна застегнула брошь воротник парадного шелкового платья, и, поручив семейство попечению Ларисы, жены старшего сына, специально вызванной по этому случаю из Новгород-Северского, отбыла в Чернигов – хлопотать.

Так горда и счастлива была Мария Александровна успехом своей черниговской поездки, так размышлялась о новеньких юнкерских мундирах, которые сошьют для ее сыновей нежинские портные на «материальное пособие, назначенное военным ведомством» вдове ветерана трех кампаний, что не заметила сразу замешательство и даже робость на милом лице старшей невестки.

Заметив же, быстро и бдительно окинула взглядом всю компанию, высыпавшую на крыльцо встречать наемную карету, которая доставила мать семейства в родные пенаты: количество совпадает, руки-ноги на месте. У Павлика коленка расцарапана, Костю и Яшу пора стричь или, по крайней мере, расчесать, краснощекая Женечка наглажена и сверкает чистотой, а Боренька, первый внук – ах, не дожил Трофим Васильевич! – сынок Владимира и Ларисы, уверенно держится на крепеньких ножках, ухватив за юбку явно расстроенную чем-то мать.

– Лариса, дорогая, – Мария Александровна ласково отстранила облепивших ее детей, – что случилось?

Невестка всхлипнула и протянула измятый бланк телеграммы таким жалким и беспомощным жестом, что у человека покрепче, чем ее свекровь, сжалось бы сердце:

– Володю от должности отстранили.

Женитьба на Ларисе Дмитриевне, – неуместно заглядевшись на невестку, подумала Мария Александровна, – перевешивает всю Володину незадачливость. Предприимчивый и энергичный нрав, упорство и даже некоторая, прямо скажем, строптивость, которую сдерживать могла только твердая рука отца, постоянно толкали подростка на приключения. А ведь он всегда хотел, как лучше!

– Вот и дед такой же был, – говорил, бывало, Трофим Васильевич, латая разодранный в драке ранец, – горяч, на расправу скор! Под руку подвернешься – только вихры береги, –

он задумчиво, словно припоминая, пригладил ладонью редкую седину. – А в бою удержу не знал! Лихой рубака!

Полагая военную службу единственно возможным жизненным путем для своего сына, Трофим Васильевич отправил Володю в Вольскую военную школу, служащую подготовительным заведением для юнкерских училищ. Это учебное заведение, расположенное в Саратовской губернии, известно было строгими правилами и жестким регулированием. Туда направляли тех воспитанников из военных гимназий и Пажеского корпуса, которые по разным причинам нуждались в особом воспитательном подходе. Доброе и сильное влияние педагогов, жесткий надзор сделали свое дело. Володя благополучно завершил четырехлетний курс и был зачислен в пехотный Бессарабский полк вольноопределяющимся второго разряда. Получив чин унтер-офицера, Владимир с увлечением готовился к экзаменам в юнкерское училище.

Зацепив за уши медные дужки очков, Трофим Васильевич читал вслух Володины письма, которые упорно называл реляциями, а Мария Александровна, присев рядом с рукодельем, клеивала головой в такт знакомым строчкам. Идиллия, однако, продолжалась недолго. Очередная «реляция» принесла сокрушительное известие: унтер-офицер Владимир Магдебург уволен из армии по причине болезни почек. Не сказать, для кого удар был сильнее: для отца, уже представляющего сына в офицерском мундире, или для сына, лишившегося карьеры, о которой мечтал с детства. Или для матери, к которой вернулся ее ребенок, больной, растерянный, незадачливый.

Кухня Марии Александровны напоминала одновременно и алхимическую лабораторию, и кладовую знахарки. Настырно пахла мята, с потолка свешивались веники всеисцеляющего зверобоя, на подоконнике сушилась ромашка. Мешочки с листьями смородины, со сморщенной брусникой и малиной теснились на деревянной полке вдоль стены, на печи тоненько дымился отвар. В шкафчиках копились пустые бутылки и баночки, ожидающие своего декохта или зелья. Тяжелее года, чем этот, она припомнить не могла. Муж кашлял все сильнее, боли в груди сделались нетерпимыми. К зиме слег окончательно.

Володя устроился служить в канцелярию. Ничего более несовместимого, чем он и дело-производство, представить было нельзя. Вечерами притихшие родители слушали, как он меряет шагами комнату, словно отсчитывая про себя: ать-два, ать-два.

На похоронах Трофима Васильевича к вдове, окруженной понурыми ребятишками, подошел старый друг покойного, Антон Петрович Васильченко, нежинский полицмейстер:

– Пришли-ка, Мария Александровна, ко мне Володю. Пора ему возвращаться на государственную службу.

Фуражка из темно-зеленого сукна с козырьком, серосиние шаровары, вправленные в сапоги; на поясе – револьвер в кобуре из черной глянцевой кожи на трехцветном офицерском шнуре и шашка драгунского образца – полицейский надзиратель Владимир Магдебург начал службу в Нежине. Через год, уже с молодой женой, он был переведен в Новгород-Северск. Жизнь начала налаживаться. Больше всего жалел Владимир, что отец скончался, не увидев внука.

Мария Александровна выронила телеграмму. Серый листок, подхваченный легким речным ветерком, спланировал и лег на траву между двумя женщинами, как знак беды. А беда была, как всегда у Володи, комбинацией из его обычной незадачливости и усердного стремления.

В тот злополучный день он был вызван по тревоге, поднятой местным обывателем, в горячую точку Новгород-Северского – площадь перед казенной винной лавкой, расположенной недалеко от стен Спасского монастыря (откуда, кстати, вышел в большую политику Лжедмитрий). Причину тревоги угадал сразу: шум, крики и иные признаки бесчинства всему городу

доносили о незаконном скопище. Послав караульного за помощью в соседний участок, Владимир ринулся разнимать вошедших в раж пьяных ломовиков. Красномордый детина, отлетевший в сторону от тяжелого толчка в плечо, быстро нагнулся к голенищу. Полицейский выхватил пашку. «Поранение посторонней личности», которое вмиг отрезвило буянов, повлекло судебное разбирательство и устранение подследственного от должности без сохранения содержания.

Владимир снова приехал в Нежин. Снова мерил шагами комнату с окном в сад, а мать и жена тревожно выгибали брови и вздыхали, прикладывая к тонкой бязи выкройку панталончиков. Лариса, придерживая рукой тяжелый живот – ну точно, двойня! – относил мужу поднос с брусничным отваром и тихонько прикрывала дверь, словно оставляя там тяжелобольного.

Через год Киевская судебная палата полностью оправдала действия полицейского надзирателя города Новгород-Северского. Повеселевшая семья, укутав в бабушкин салоп новорожденного, отбыла на новое место службы отца в город Глухов.

10

Смущенную Марию Александровну в неизменном ее выходном шелковом платье усадили на почетное место между предводителем дворянства, действительным статским советником Троциной и полицмейстером Антоном Ивановичем Васильченко, у которого сын в этом году поступил в Нежинский Лицей. Супруга Троцины, Анастасия Федоровна, в натуральном бальном туалете рассеянно лорнировала портреты императоров и императриц в золоченых рамах, а особенный сегодняшний гость – Петр Федорович Кушакевич, родственник золото-промышленника и основателя женской гимназии, – благосклонно взирал на робеющих гимназисток в форменных платьях и белых передниках с воланами. Антон Иванович, раскланявшись с Марией Александровной, спросил с живым участием:

– Как Володя служит на новом месте? Начальство довольно?

– Слава Богу, Антон Иванович, вроде бы наладилось, – захлопотала Мария Александровна, – так вам благодарна, нет слов. Если бы не вы, не знаю, что бы с ним и стало.

– Рад слышать, Мария Александровна, за него рад и особенно за вас. Впрочем, всегда был уверен, что сын Трофима Васильевича службу знает.

Столетие Пушкина отмечали по всей стране с помпой. Музыкально-литературное собрание, которое привело в актовый зал Лицея городской бомонд, было устроено силами всей образованной нежинской молодежи.

Один за другим появлялись на сцене воспитанники и воспитанницы городских гимназий, лицеисты и студенты. Взмолвленные и раскрасневшиеся, они читали стихи, пели романсы, представляли отрывки из пьес. Юный Чернявский-Дубинский сорвал аплодисменты гимназисток, продекламировав стихотворение собственного сочинения «В честь Пушкина».

Когда на сцене выстроился объединенный хор студентов и гимназистов под управлением преподавателя пения Добиаша, Антон Иванович нагнулся к уху соседки и спросил шепотом:

– Мария Александровна, а Женя ваша когда выступать будет? Уже все собрание сочинений, кажется, спели!

Мария Александровна поднесла к черепаховым очкам полицмейстера розовую программку и показала на последнюю строчку: «Борис Годунов. Сцена у фонтана. Читает Евгения Магдебург».

Вместе с другими певцами Миша Савич спустился со сцены и присел на свободное место.

Фонтана на сцене не было. Не было и Лжедмитрия. В круге света стояла кареглазая девушка, ничуть не растерянная, наоборот, уверенная и стремительная. Казалось, она остановилась на бегу и сейчас же помчится дальше. Пышные пепельные волосы, которые обычно заплетались в две тугие косички, а теперь поднимались вверх во взрослой замысловатой прическе и были увенчаны, как тиарой, высоким гребнем, открывали побелевшее лицо. Миша знал, что для «интересной бледности» Женя тайно от мамы пьет уксус, но забыл немедленно от охватившего его странного волнения, будто он видел перед собою не подружку, которую катал на санках по замерзшей речке, а незнакомое и загадочное существо.

Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды...

Выбор стихов Миша не одобрял, фыркал и посмеивался, когда Женечка, вытянув губки в трубочку и встав перед зеркалом на цыпочки, изображала из себя надменную полячку.

– Я тебе от души советую, прочти лучше «В те дни, когда в садах лицея я безмятежно расцветал.».

– Сам про свой лицей учи, – обиженно отмахивалась Женечка и вечерами пришивала на польский костюм кружева, споротые с маминого выходного платья.

Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга...

А. С. Пушкин, «Борис Годунов»

Загадочное существо вылетело из-за кулис и, подхватив юбку, запрыгало вокруг него на одной ножке:

– Миша! Я правда лучше всех читала?

11

Дипломную работу «Педагогические взгляды Платона» Михаил подготовил к маю и сдал образцово. Вскоре пришла разрядка из ведомства народного просвещения.

По закону стипендиаты, окончившие Нежинский институт, обязаны были шесть лет отслужить преподавателями по назначению министерства. Скоро все разъедутся: Чижевский – в Керченский институт благородных девиц, Басаргин – в Витебскую гимназию, Суханов – в Елтомскую, Филиппов – в Аккерманскую. Савичу пришлось назначение преподавателем русского языка и словесности в Кишиневскую первую женскую гимназию.

Первое важное дело в своей жизни он завершил. Другое жизненно важное решение крепло в нем.

– Ты, Мишенька, мне сразу по душе пришелся, – Мария Александровна улыбнулась, вспомнив подростка в гимназической тужурке с длинными, на вырост рукавами, – а за эти годы я тебя полюбила, как родного сына. Отвечу, не размышляя: я тебе дочь доверяю, и Трофим Васильевич был бы рад.

Она вытерла глаза, как всегда, когда вспоминала покойного мужа, и покачала головой:

– Не знаю, право, как она сама к этому отнесется: вчера только из гимназии, еще куклы на уме. Иди, Миша, поговори с ней. С Богом.

Лепестки метелью кружили на дорожке, сыпались на траву, на скамейку, на душистые пепельные волосы.

– Соглашайся, Женечка! Я тебя всю жизнь конфетами кормить буду!

18 июня 1901 года Михаил подал директору института по одинаковому для всех высших учебных заведений образцу прошение о разрешении вступить в брак.

«Господину ректору (или директору) _____
_____ от _____ студента _____ курса _____
_____ факультета (или отделения) _____
_____ имя и фамилия.

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство о разрешении мне вступить в брак с (указать звание, имя, отчество и фамилию невесты).

При сем имею честь представить свидетельство о поведении и нравственных качествах моей невесты¹, а также заявление о неимении препятствий к вступлению в брак как со стороны моих родителей, так и родителей невесты».²

¹ Свидетельство о поведении и нравственных качествах невесты получается от губернатора или полиции.

² Подписи родителей должны быть засвидетельствованы нотариусом или полицией.

12

На заутрене в храме с увитыми хмелем кирпичными стенами звучал псалом «На реках Вавилонских»:

– Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя. Забудь меня десница моя, если я забуду тебя. – Михаил обернулся к невесте, улыбнулся, и она кивнула в ответ.

Они стоят перед алтарем, молодые, счастливые и полные надежд. Что слышат они в грозных библейских словах? Что пророчит им древний псалом? Что принесут им Вавилонские реки?

13

Во второй части метрических книг, хранящихся при Нежинской Преображенской церкви Черниговской епархии, под номером 16 за 1901 год значится: «1901 года июля 29 дня окончивший Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко Михаил Людвигович Савич, православного исповедания, 24-х лет, вступил в первый брак с девицею, дочерью отставного майора, Евгенией Трофимовной Магдебург, православного исповедания, 18 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.